УДК 811.511.1, 811.161.1

UDC 811.511.1, 811.161.1

Каксин Андрей Данилович**Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова****г. Абакан, Российская Федерация****Andrey D. Kaksin****Katanov Khakass State University****Abakan, Russian Federation**

adkaksin@yandex.ru

**О СРЕДСТВАХ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА:
ЭПИТЕТЫ И СРАВНЕНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)
THE MEANS TO CHARACTERIZE AND ASSESS
A PERSON: EPITHETS AND COMPARISONS
IN THE KHANTY LANGUAGE (COMPARED TO RUSSIAN)**

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному анализу лексических средств, используемых для характеристики и оценки человека, в хантыйском и русском языках. Сопоставляются наиболее употребительные эпитеты (типа *каркам* – *проворный*, *уяң* – *удачливый*), а также слова и выражения, в основе которых лежит сравнение человека с природными явлениями, растениями и животными (типа *ващ* – *стройный*, *вухсар иты уцмараң* – *хитрый, как лиса*). Указывается на преобладание того или иного способа характеристики и оценки человека в русском и хантыйском разговорном языках. Утверждается мысль о том, что семантические изменения и функционирование слов в современных языках определяются не столько внешними факторами, их обуславливающими (реалиями, историей народа), сколько внутренними, чисто языковыми.

Abstract

The article presents the results of comparative analysis of the lexical means used to characterize and assess a person in Khanty and Russian. The most common epithets (e.g. *karkam* – *quick*, *ujañ* – *successful*) as well as words and expressions that link personal traits to certain natural phenomena, plants and animals (e.g. *vaś* – *harmonious*, *vuhsar iti uśmarañ* – *cunning as a fox*) are compared. The prevalence of particular ways to characterize and assess a person in colloquial Russian and Khanty is demonstrated. The obtained results enable to show that semantic changes and functioning of words in modern languages are determined rather by internal, purely language factors than external ones (including realities, people's history).

Ключевые слова: лексика как система, антропоцентризм, средства характеристики и оценки, хантыйский язык, русский язык.

Keywords: lexicon as system, anthropocentrism, means of characterizing and assessment, Khanty language, Russian language.

doi: 10.22250/2410-7190_2018_4_3_32_38

1. Введение

Как известно, одной из проблематик дисциплины «Лексикология» является вопрос о системности в лексике. Системные отношения могут прослеживаться в словообразовании, они могут проявляться на уровне текста; системные отношения пронизывают морфологию и синтаксис, но ярче всего они проявляются в семантике и лексике. Что касается изменений в лексике, то семасиология склонна объяснять «семантическое обновление» как наличием моделей ассоциативных переходов (сложившихся в последнее время), так и существованием исторически обусловленных закономерностей семантического развития целых рядов и групп слов.

Наиболее оригинальным вкладом в теорию общей лексикологии является разработка вопроса семантического (лексико-семантического) варьирования слова, обеспечивающего его синхронное и историческое тождество. Понятие лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) слова, будучи сформулировано с учётом смысловой и формальной сторон словесного знака, даёт толчок в разработке проблемы определения смысловой структуры слова.

Понимание слова как основной единицы языка предопределяет и метод лингвистического его описания: словесная парадигма при грамматическом и лексикологическом анализе языка, трактовка и словарное определение слова, исходящее из понятия тождества слова, сопоставление морфологических и смысловых структур слова, разграничение лексического и грамматического в слове, изучение сочетаний слов. В связи с разграничением смыслового содержания полисемантического словесного знака начинает разрабатываться понятие семантического контекста.

В современной лексикологии превалирует субстанциональное понимание значения слова как категории обобщения, участвующей в процессе познания и закрепляющей его результаты в виде одного или нескольких значений слова. Проблема полисемии также продолжает интенсивно разрабатываться. Понимание слова как единства его различных форм (фонетических, морфологических, лексико-фразеологических, синтаксических) позволяет подойти к полисемии не просто как к сумме ассоциативных связей слова, а как к определённой смысловой структуре взаимосвязанных ЛСВ слова.

Наиболее плодотворным направлением изучения полисемии является исследование её в прямой связи с лексико-семантическим варьированием слова. При таком подходе слово представляется как смысловая структура (система), в которой степень самостоятельности и сфера употребительности отдельных ЛСВ находятся в зависимости и от характера связи слова с обозначаемым (прямые или переносные значения), и от семантического контекста. Во втором случае различаются свободные и фразеологические, или ограниченные, значения. Вот как, к примеру, можно с

помощью обычных слов русского языка охарактеризовать чрезмерно любопытного человека:

«Происхождение выражения вставить свои пять копеек достаточно прозрачно. Словосочетание пять копеек тут выступает как синоним слова пятак в значении «рыло свиньи», иначе говоря, фразеологическая единица вставить свои пять копеек выступает как эвфемизм для построения «сунуть свой нос (своё рыло) в какое-либо постороннее дело»» [Бурыкин, 2018, с. 11].

Таким образом, одним из важных направлений современной лексикологии остаётся разъяснение вопроса о том, какую роль в семантической организации словарного состава играют «такие отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия и паронимия. ... С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как «открытость» лексических единиц для семантической деривации ... и, в частности, метафорических сдвигов» [Черемисина, 1992, с. 76–77].

2. Эпитеты и сравнения в хантыйском и русском языках

Во всех современных языках, в том числе – хантыйском, для характеристики и оценки человека применяются эпитеты и сравнения. Ими «награждаются» все, независимо от пола, возраста, рода занятий и других признаков. При этом для разных групп формируется, конечно, свой устойчивый набор клишированных образных средств.

Наң ици т́а́та лольмен! М́айш́ья а́ңкал! Муй а́нт ў́ватсэ́н лў́втты? [ПМА, 1990]¹ – ‘Ты ведь здесь стоял, оказывается! Молчащий столб! Почему не крикнул ему?’ (здесь и далее перевод наш – А. К.).

Х́алэ́ват й́а́ха ма́нлў́в; лў́в карма́м, уя́ң и́ки, на́рлы-ка́рлы пи́тум у́т, лў́в пи́лала, мо́саң, а́риак хў́л веллў́в [ПМА, 1991] – ‘Завтра вместе поедет; он – проворный, удачливый мужчина, вечный труженик; с ним, может быть, больше рыбы добудет’.

Первые два определения (кармам, уяң) – частотные, распространённые, как и соответствующие им эпитеты в русском языке. А следующее за ними характеризующее (с добрым юмором) словосочетание перевести на русский язык можно и как ‘вечный труженик’, и даже одним словом (‘трудоголик’); но больше всего ему соответствует русское предикативное сочетание, смысл которого, так же, как в хантыйском языке, «восстанавливается от противоположного» – ‘ему делать больше нечего’.

Нонг сирены ма тутн етын ат омсым? Ма самем сит пета ант у́тл [Лазарев, 1999, с. 23] – ‘По-твоему, я теперь должен только дома сидеть? Моё сердце к этому не лежит’. По-русски более распространённой фразой является: ‘Душа у меня к этому не лежит’.

¹ Здесь и далее разговорные фразы, извлечённые из полевых материалов автора, отмечаются таким образом: ПМА, год записи. Для литературных примеров указывается источник.

Муй ма, вантэ, ушаң-сираң, аюм-китум путар тайты хэ. Русь верлам олаңн лувела си путарлум [Сенгепов, 1994, с. 6] – ‘*Ну какой, если поглядеть, от меня толк, о чём интересном я могу говорить. О своих русских (т. е. городских) делах ему рассказываю*’.

Хөлтэмн, хоят парцен хот лыпийн ши нўсыйл. Ай пухем, маттэ; сыр-супар ут: хўвн-ванан юхатмал – нэмалты ант лупас, хайшап лыпия ваңкмал па щайта вуюмтум! [ПМА, 1991] – ‘*Слышу, будто кто-то в палатке сопит. Младший сын, оказывается; вот такой всегда: как приехал – ничего не сказал, до порога добрался и там уснул*’.

Ханум, луплат, най ар мощ вөтэн, тайтэн. Моньца са – тайм атэв ай муй кашн хулал! [ПМА, 1993] – ‘*Кум, говорят, ты много сказок знаешь, имеешь. Рассказывай-ка – ночь между делом и пройдёт*’.

По нашим наблюдениям, в разговорной хантыйской речи преобладают эпитеты, которые функционируют как обособленные определения или приложения. При этом очень употребительны эпитеты-имена, служащие для характеристики человека (слова, в зависимости от контекста, осмысляемые как существительное или прилагательное). О таких характеризующих словах мы писали в одной из наших предыдущих работ:

көняр ‘бедолага; бедненький, жалкий’, *туврэм* ‘хулиган, баловник; непоседливый’, *сылка* ‘нехороший человек; сволочь’, *хом* ‘сволочь’, *кўль* ‘негодник’ [Каксин, 2007, 2017].

Многие слова подобного рода являются экспрессивными, а значительная их часть служит делу обозначения специфических деталей языковой картины мира. Так же, как и глагольные слова близкой семантики, они «отражают социально значимый фрагмент национальной картины мира, проявляющийся в связи человека не только с внешним миром, но и миром внутренним – с сознанием и мышлением» [Чертыкова, 2017, с. 84].

Приведём ещё ряд примеров использования таких специфических эпитетов, сравнений, метафор в хантыйском языке.

Нын па тайта хайцман, туврэмчан; ацен атэлт пөн ванты майнмал! [ПМА, 1991] – ‘*Вы двое, как вижу, остались, праздные (такие); отец один снасти проверить пошёл*’.

Мин пелэма лўв лык ант таймал, лўв сэмл луламал. Лўв щит нюмша ики! [ПМА, 1991] – ‘*На нас он не гневался, оказывается, его сердце оттаяло, оказывается. Он ведь отходчивый человек (букв.: мужчина)!*’.

Хөн па рөпитты питтал, вёлы сыр няврэм!? [ПМА, 1992] – ‘*И когда работать начнет, непутевый ребёнок!?*’.

Лўв сора рўтыщаты ант майнл, щимищ тарум! [ПМА, 1992] – ‘*Он поспешно отдыхать (т. е. на пенсию) не уйдёт, такой неугомонный!*’.

Лўв ант нюхаман, нюр отня, омасты питал: төп йамас ат луртса! [ПМА, 1992] – ‘*Он не двигаясь, словно паинька, сидеть обещал: лишь бы его хорошо подстригли!*’.

Сора ши най юрэмалн, нюр ай няврэм [ПМА, 1993] – ‘*Ты всё быстро забываешь, как маленький ребёнок*’.

Ант па етишал, уса ши вантасл, пуихаң күрек-ими аймөнтыки [ПМА, 1992] – ‘*Никак не успевает, всё хлопочет, как куропатка с выводком*’.

Хянятлэн хён нын пилана: нын хорахсет лампи! [ПМА, 1992] – ‘Спрячешься, пожалуй, с вами: вы как разбойники!’.

Күй кепа тэрмалалн, тухлаң вой иты ант юхтумлан щив! [ПМА, 1992] – ‘Сколько ни торопись, подобно птице не долетишь!’.

Как видим, при помощи сравнительных конструкций осуществляется сравнение человека (его черт, свойств, поведения) с признаками других людей или, реже, со свойствами каких-либо предметов, повадками животных. Также можно видеть, что человек может быть охарактеризован путём указания на его действия, привычки, умения и навыки.

Омыста ант хантл пирысь ики. Йингк пелькка питым вуш эвыт матнгыт, тувыт, ёханыт, постыт хуват татысыйтл [Лазарев, 1999, с. 22] – ‘Старик на месте не может усидеть. Как открылась река, он всё по притокам, речушкам, озерам, заливым дугам таскается (постоянно ездит)’. Другими словами, он – настоящий рыбак.

Па сита ма хут ветты хоят тывсым [Лазарев, 1999, с. 25] – ‘К тому же я рыбаком родился’.

Нонг ешнгытанн хотны тупэн пугянгыт ант катылтэн [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Ты своими руками ещё весла-то толком не держишь’. В этой фразе подчёркивается возраст и, соответственно, недостаточная сила мальчика-подростка.

Хоты нонг манэм ант имастытын, – *ёхты нюхмыс Сантыр* [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Вот ты как мне не доверяешь, – произнёс в ответ Сантыр’. Собеседник характеризуется как человек недоверчивый, склонный критически относиться к окружающим.

Шоп, аси, ма мотор туттита хоштым? – *Ма утэм, утэм похие, хоштын* [Лазарев, 1999, с. 26] – ‘Ведь правда, папа, я умею водить с мотором?’ – *Я знаю, знаю, сынок, умеешь’.*

Лув иньсясуплылал нух лэрамтты питтэм артн, уша верлэм, маттэ яюм-ики ма киньсема шуши мирэв яма вэтал [Сенгепов, 1994, с. 6] – ‘Судя по его расспросам, оказывается, брат мой лучше меня жизнь наших людей знает’.

Валэм, лув шеңк путраң, араң, моньсяң хэ [Сенгепов, 1994, с. 7] – ‘Знаю, что он – много рассказывающий, знающий песни и сказки человек’.

3. Заключение

Сравнительные обороты, конечно, предполагают наличие в языке особых слов, с помощью которых и проводится сравнение. Исследование показало, что в хантыйском языке, как можно видеть по вышеприведённым примерам, это слова *иты* ‘как’, *лампи* ‘словно’, *хурасун* ‘подобный; похожий’. Но столь же значимы для развития категории сравнения группы слов, участвующих обычно в сравнении (что с чем может сравниваться), также как и способность этих слов принимать переносное значение, двигаться по шкале ‘образность / выразительность’. По большому счёту все эти характеристики слова (как единицы языка) связаны с его вариативно-

стью. Следует признать, что в хантыйском языке вариативность слова, именно в семантическом смысле, получает не столь существенное развитие, как, скажем, в русском языке.

Вообще, значение сравнительных оборотов в общей системе языка чрезвычайно велико: ведь в том числе и они определяют живую «физиономию» всякого естественного языка. Первым признаком, характеризующим большинство сравнительных оборотов, является их образность, и она же даёт простор для выражения универсального характера данного сравнения, возможности его распространения на ряд однородных предметов или ситуаций. Ещё одной общей чертой подавляющего большинства сравнительных оборотов можно назвать их оценочный характер. Но, конечно, эти характеристики ярче всего проявляются в более широких контекстах, чем те, которые приведены выше. В отрыве от контекста выразительность сравнительного оборота порой бывает снижена. Последние положения в равной степени относятся и к хантыйскому, и к русскому языку.

Список источников

- Лазарев, Г. Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты [Текст] / Г. Д. Лазарев. – Ханты-Мансийск : ГУИПП «Полиграфист», 1999. – 36 с.
- ПМА – Полевые материалы автора (собраны в 1985–1996 гг.).
- Сенгепов, А. М. Касум ики путрат. Рассказы старого ханты [Текст] / А. М. Сенгепов. – СПб. : Просвещение, 1994. – 175 с.

Список литературы

1. Бурыкин, А. А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (вставить свои пять копеек) [Текст] // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 5–14.
2. Каксин, А. Д. Об одной специфической лексической группе в хантыйском языке [Текст] // Духовная культура финно-угорских народов России: Материалы Всероссийской научной конференции к 80-летию Анатолия Константиновича Миккушева (1–3 ноября 2006 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар, 2007. – С. 198–200.
3. Каксин, А. Д. О религиозно-мифологической основе происхождения некоторых ругательств в хантыйском языке (на примере “хом” и “кўль”) [Текст] // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири : материалы Международной науч. конф., посвящённой 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. – Красноярск, 2017. – С. 242–244.
4. Черемисина, М. И. Языки коренных народов Сибири [Текст] : учеб. пособие / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1992. – 92 с.
5. Чертыкова, М. Д. Глаголы со значением поведения в хакасском языке: семантико-когнитивный аспект описания [Текст] // Родной язык. Лингвистический журнал. – 2017. – № 1 (6). – С. 65–89.

References

1. Burykin, A. A. (2018). Iz opyta izucheniya paradigmاتيki frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka (vstavit' svoi pyat' kopeek) [The experience of studying the paradigmatics of Russian phraseological units (Vstavit' svoi pyat' kopeek)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 1, 5–14.
2. Kaksin, A. D. (2007). Ob odnoy spetsificheskoy leksicheskoy gruppe v khantyyskom yazyke [About one specific lexical group in the Khanty language]. *Dukhovnaya kul'tura finno-ugorskikh narodov Rossii* [Spiritual culture of Finno-Ugric peoples of Russia]. Proc. of All-Russia Scientific Conference to the 80th anniversary of Anatoliy Konstantinovich Mikushev (November 1–3, 2006, Syktyvkar) (pp. 198–200). Syktyvkar.
3. Kaksin, A. D. (2017). O religiozno-mifologicheskoy osnove proiskhozhdeniya nekotorykh rugatel'stv v khantyyskom yazyke (na primere «hom» i «kŷl'») [About a religious and mythological basis of origin of some curses in the Khanty language (On an example «hom» i «kŷl'»)]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arheologii, etnografii i istorii Sibiri* [Interdisciplinary research in archaeology, ethnography and history]. Proc. of the International Scientific Conference to the 125th anniversary of a researcher and public figure Nikolay Konstantinovich Auehrbah (1892–1930), Krasnoyarsk, September 27–30, 2017 (pp. 242–244). Krasnoyarsk.
4. Cheremisina, M. I. (1992). *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]: A course book. Novosibirsk State University: Novosibirsk.
5. Chertykova, M. D. (2017). Glagoly so znacheniem povedeniya v khakasskom yazyke: semantiko-kognitivnyy aspekt opisaniya [Khakas verbs of behavior: A cognitive semantic description]. *Rodnoy yazyk. Lingvisticheskij zhurnal* [Native Language. Linguistic Journal], 1 (6), 65–89.